

**ЛУЧШИЕ РОМАНЫ
О СЫЩИКЕ
ДРОНГО**

ЧИНГИЗ
АБДУЛЛАЕВ

ОТРИЦАНИЕ
ОККАМА

МОСКВА

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А13

Разработка серии *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке *В. Коробейникова*

А13 **Абдуллаев, Чингиз Акифович.**
Отрицание Оккама / Чингиз Абдуллаев. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. —
(Абдуллаев. Лучшие романы о сыщике Дронго).
ISBN 978-5-04-088812-2

Сын главы крупнейшей корпорации Егор Богдановский погиб из-за обострения язвы — во всяком случае, так утверждают врачи. Близкие, а среди них известные политики, влиятельные бизнесмены, актеры, не верят этому и обращаются к эксперту-аналитику Дронго с просьбой провести расследование. Дронго — лучший в своем деле, но даже ему трудно работать среди тех, кто привык к власти и вседозволенности. Все его версии — месть, ревность, зависть — опровергаются по ходу дела. Он уже готов признать свое поражение, но сущая мелочь, всего несколько слов в разговоре, внезапно определяет и мотивы преступления, и самого убийцу...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Абдуллаев Ч.А., 2017
© Оформление.
ISBN 978-5-04-088812-2 ООО «Издательство «Э», 2017

Альберт Эйнштейн переформулировал принцип «Бритвы Оккама» следующим образом: «Все следует упрощать до тех пор, пока это возможно, но не более того».

«Следовало бы непрерывную праздность поместить среди мучений ада, а ее поместили в число блаженств рая».

Шарль Монтескье

«— Да, — подтвердил Трапс, — я действительно сыграл со старым гангстером злую шутку. Забавная была ситуация, как помню. По правде говоря, мне до сих пор стыдно в этом признаться — кому охота заглядывать самому себе в душу, идеально чистого белья ведь ни у кого не бывает, но среди таких чутких, понятливых друзей стыдиться как-то смешно, да и не нужно. Странное дело. Я чувствую, что меня понимают, начинаю сам себя тоже понимать, словно знакомлюсь сам с собой, то есть с человеком, которого я прежде знал только случайно...»

Фридрих Дюрренматт.

«Авария»

Глава 1

На этот раз он не собирался лететь в Москву или в Баку раньше конца сентября. Сделав две похожие квартиры с одинаковой планировкой, мебелью, техникой, библиотеками, обоями, даже занавесками и кухонной посудой, он чувствовал себя одинаково уютно и спокойно в обоих городах. Но в Рим его тянуло сильнее всего, там была Джил с

детьми. Хотя длительное пребывание в Италии сказывалось на его самочувствии, он превращался в меланхолика, полагая, что не имеет права на праздное времяпрепровождение. Он становился противен самому себе, ему казалось постыдным проживать в доме Джил, ничем не занимаясь и ничего не делая. Хотя библиотека в этом доме не уступала его двум библиотекам. И здесь были книги на многих языках, которыми он не владел. Джил и дети спокойно читали книги на многих европейских языках, и ему было иногда стыдно признаться, что он не знает ни французского, ни немецкого.

Европа становилась одним общим домом для всех своих граждан. И многие европейцы уже считали нормой для себя знание трех-четырех европейских языков. Если английский был обязательным для мирового общения, то многие европейцы точно так же считали обязательным знать французский и немецкий.

Непосвященному человеку трудно понять, как нормальный средний житель может выучить сразу несколько языков. Но на самом деле в этом нет ничего необычного. Ведь многие европейские языки просто похожи друг на друга, имеют общие латинские корни. Дронго вырос в интернациональном полифоничном Баку, где почти все владела русским и азербайджанским языками, очень непохожими друг на друга. И многие знали еще

другие языки — грузинский, армянский, фарси, арабский, каждый из которых был по-своему очень трудным и весьма непохожим на другие.

Они вернулись в Рим из Испании, с побережья Коста-дель-Луз, где отдохали всей семьей. И пятого сентября раздался телефонный звонок. Это был Эдгар Вейдеманис, звонивший из Москвы.

— Добрый день, — вежливо поздоровался Эдгар, — как вы отдыхаете?

— Здравствуй. Пока ты не позвонил, у нас было все в порядке. Неужели ты позвонил просто так?

— Я позвонил, чтобы узнать, как вы себя чувствуете.

— Ценю твою латышскую вежливость, — проворчал Дронго, — если ты позвонил, значит, что-то случилось. Говори скорее, что именно? Насчет отдыха я тебе потом все подробно расскажу.

— Тебя ищет один человек, — сообщил Вейдеманис, — очень ищет. Говорит, что только ты сможешь помочь их семье. Он звонит уже несколько дней подряд. Узнал мой телефон и телефон Лени Кружкова. Просит о срочной встрече с тобой. Он даже знает, что ты сейчас в Италии.

Дронго не стал признавать, что обрадовался этому звонку. Значит, он сможет вернуться в Москву и снова заняться привычным делом. Здесь он чувствовал себя немного не в своей тарелке. Дети

занимались своими делами, Джил работала, и он выглядел как абсолютный лентяй, что было противоположено его деятельной натуре.

— Кто это такой?

— Кирпичников. Николай Данилович Кирпичников. Достаточно известный бизнесмен. И политический деятель. Он сенатор от Новосибирской области в Совете Федерации. Я наводил справки, он очень влиятельный человек, председатель комитета Совета Федерации, один из столпов российского сената.

— Никогда про него не слышал. Ты уже знаешь, зачем он меня ищет? Навел какие-нибудь справки?

— Думаю, что да. Примерно месяц назад в больнице умер младший брат его супруги, Егор Богдановский. Он сын президента крупной металлургической компании. Его отец Аристарх Павлович Богдановский входит в список «Форбса». Он глава компании «Сибметалл» и значится среди пятисот самых богатых людей. И он же является тестем Кирпичникова. Тебя не было в Москве, когда это произошло. В газетах намекали, что это могло быть убийство. Молодой человек умер достаточно неожиданно.

— В больнице? — уточнил Дронго. — Что здесь неожиданного?

— Ему было двадцать восемь лет. Молодой, здоровый, сильный человек. Увлекался гольфом, теннисом. Врачи считали, что у него была язва или что-то в этом роде. Мы сейчас уточняем. Хотя возможно, что сенатор ищет тебя совсем не из-за этого.

— В двадцать восемь лет, и уже язва? Неужели он так плохо питался? Судя по его отцу, в их семье должно быть несколько лишних миллионов долларов.

— Думаю, что несколько сотен миллионов.

— А сколько лет этому сенатору?

— Сорок пять.

— Его тестю?

— Под шестьдесят.

— Давно Кирпичников женат на дочери Богдановского?

— Двенадцать лет. Это его вторая супруга. У них двое детей. Он бросил на твои поиски все свои возможности.

— Ясно. Дай его телефон, я ему перезвоню. И узнаю, зачем я ему понадобился.

— От его имени несколько раз звонили в Баку, искали тебя там. Говорят, он вышел даже на российского посла Истратова, чтобы тот помог тебя найти. Видимо, ты ему очень нужен.

— Продиктуй его телефон.

— Он оставил свой мобильный и городской. Ты записываешь?

— Конечно. Диктуй, — он записал оба номера.

— Когда ты прилетаешь в Москву? — уточнил Вейдеманис.

— Теперь не знаю. Я хотел в конце сентября, но думаю, мне придется вернуться немного раньше, — ответил Дронго.

Попрощавшись с Эдгаром, он несколько минут сидел, глядя на телефон. Словно решал, как ему поступить. Он уже знал, что обязательно перезвонит Кирпичникову и выяснит, зачем он понадобился этому сенатору. Он перезвонил через десять минут. Кирпичников сразу ответил, как будто ждал именно этого звонка. У деятелей такого масштаба обычно бывает с собой сразу несколько мобильных телефонов, и один из них считается самым важным. Как правило, этот номер знают только самые близкие люди — супруга, дети, ближайшие помощники. Возможно, именно такой номер дал Кирпичников Эдгару, чтобы его можно было сразу найти.

— Я вас слушаю, — ответил Кирпичников. Голос у него был сильный. Так обычно разговаривают люди, привыкшие отдавать указания.

— Добрый день. Мне дали ваш телефон, чтобы я вам перезвонил.

— Вы... тот самый... — замялся Кирпичников.

— Меня обычно называют Дронго, — представился он.

— Да, мне говорили. Господин... Дронго, я хочу с вами встретиться. У меня к вам очень важное и неотложное дело. Когда мы можем увидеться?

— Я сейчас не в Москве. Я нахожусь в Европе...

Он никогда не говорил, где именно он находится и где живет его семья. Это было для него абсолютным табу. Но, похоже, это обстоятельство не очень смущало Кирпичникова.

— Нам нужно срочно увидеться, — упрямо повторил сенатор, — и мне абсолютно все равно, где вы. В какой точке Европы. Чтобы вас не утруждать, я готов сам прилететь к вам. Только скажите, куда, и я завтра с вами встречусь.

— Это так важно?

— Исключительно важно. Куда мне прилететь? Только назовите город и место. У меня к вам не телефонный разговор.

— Куда вам удобнее прилететь?

— Нам все равно. Мы можем быть завтра в Риме или в Милане.

Дронго задумался. Вызывать в Рим своего собеседника он не хотел. Достаточно и того, что тот знает, где его искать. Куда еще в Италии есть самолеты из Москвы, чтобы сенатору было удоб-

нее? Кроме Рима — в Милан и Венецию. До Милана можно добраться скорым поездом. Так будет удобнее для них обоих.

— Завтра днем в Милане, — предложил Дронго, — часам к четырем. Успеете?

— Обязательно. Я обычно снимаю номер в отеле «Принц Савойский». Может быть, там и встретимся? Я могу заказать два номера, если вы тоже решите там остаться.

— Нет, — возразил Дронго, — это необязательно. Достаточно будет, если вы там завтра будете меня ждать.

— Обязательно. Отель легко найти. Он находится на площади Республики.

— Я знаю этот отель в Милане.

— Тогда до завтра. Спасибо, что вы согласились на эту встречу. Уверяю вас, что у меня будет к вам деловое и очень выгодное предложение. До свидания.

— До свидания, — Дронго положил телефон на столик рядом с собой и задумался. Если Эдгар прав, то вполне возможно, что господин Кирпичников под влиянием своей супруги или своего тестя хочет выяснить причину неожиданной смерти родственника. И тогда нужно попытаться до завтра навести все необходимые справки. Нужно будет поискать в Интернете и поднять подшив-

ку центральных российских газет. Они наверняка писали о неожиданной смерти сына олигарха.

Он даже не подозревал, что уже завтра начнется его новое расследование, которое приведет к неожиданным результатам. В этот вечер он был оживленным и веселым. Джил обратила на это внимание, но он не стал ей ничего объяснять. И лишь утром, когда он заказал себе билет на скорый поезд в Милан, она поняла, что он снова собирается уехать. Но она знала, что пытаться остановить его бессмысленно. Он взял обратный билет на вечерний рейс и твердо пообещал вечером вернуться.

Ровно в четыре часа дня он вошел в просторный холл известного отеля. И сразу обратил внимание на семейную пару, сидевшую в глубине холла. Кирпичников вальяжно расселся в кожаном кресле, рядом расположилась ухоженная женщина лет тридцати пяти. Немного в стороне находился помощник Кирпичникова, который прилетел сюда вместе с ними. Увидев подходившего Дронго, сенатор поднялся и крепко пожал руку гостю. Он был чуть выше среднего роста, полноватый, грузный, с несколько отекившим лицом и светлыми глазами. Волосы у него были темные, тронутые сединой на висках. На сенаторе был светлый костюм и белая сорочка без галстука. Сидевшая рядом женщина была одета в легкий

брючный костюм бежевого цвета. «Эскада», узнал известную фирму Дронго. В руках у нее была сумочка от Луи Виттона. Такие сумочки с известным логотипом обычно стоили от полутора тысяч долларов. У нее было вытянутое, немного асимметричное лицо. Тонкие губы, карие глаза, прямой нос. Она была коротко пострижена, но все равно было заметно, что она уже успела познакомиться с мастерством пластического хирурга, немного укротив свой нос и убрав морщины вокруг глаз.

Помощник, увидев, как Кирпичников и гость обменялись рукопожатиями, быстро направился к кабине лифта, показывая дорогу. Это был сравнительно молодой человек, лет тридцати пяти. У него были светло-коричневые глаза, рыжие залызанные назад волосы, опущенный кончик длинного носа и заостренный подбородок. Он все время улыбался гостю, словно радовался его появлению больше, чем его хозяева.

— Спасибо, что согласились со мной встретиться, — немного растроганно произнес сенатор, — пройдемте ко мне в номер и там поговорим. Позвольте вам представить мою супругу. Наталья Кирпичникова.

Женщина протянула руку. У нее была тонкая, изящная кисть. И холодная ладонь. Дронго никогда не протягивал первым руку женщинам. Ска-

зывался его восточный менталитет. И хотя в Америке или в Европе подобное поведение считалось почти предосудительным, учитывая жесткие требования феминисток насчет равноправия полов, он по-прежнему считал, что инициатива должна исходить от его собеседниц. Возможно, он был несколько старомоден, но меняться ему уже не хотелось.

Кирпичников снял самый большой сюит, так называемый президентский номер, в котором был даже собственный бассейн. Они устроились в большой гостиной, отделанной красным шелком. Тяжелые гардины, мебель ручной работы и глубокие кресла из красной кожи. В этом номере обычно останавливались коронованные особы, арабские шейхи и крупные российские бизнесмены. Хотя справедливости ради стоит сказать, что в этом номере жили не только российские, но и казахстанские, украинские, грузинские миллионеры.

Они уселись в кресла, и сенатор протянул коробку с дорогими кубинскими сигарами. Дронго покачал головой. Он никогда в жизни не курил. Сенатор взял сигару, ловко ее обрезал. Его супруга достала из сумочки тонкую пачку легких сигарет. Помощник возник у них за спиной, шелкнул зажигалкой. Очевидно, сюда не хотели пускать официантов и служащих отеля.